

метил готовность бежать. Посланные им рыцари увидели вдалеке армию турок и арабов. Впереди всех, отправившихся разведать причины отступления и слышанных криков, был граф Фландрский и с ним несколько провансальцев: весь народ из Бургундии, Оверни, Гасконии и готы (испанцы) назывались одинаково *провансалами* (Provinciales), а прочие – французами (Francigenas); таковы были названия, употребляемые в армии, но неприятель называл нас всех франками. Граф Фландрский, как мы сказали, полагая, что постыднее будет давать знать о приближении неприятеля, нежели пасть на него, бросился с яростью в ряды турок; они, не привыкнув биться мечами, искали спасения в бегстве, и граф не опускал меча в ножны, пока не положил на месте до ста неприятелей. Возвращаясь победителем к Боэмунду, он заметил, что 12 тысяч турок идут по его следам, а на возвышении слева поднимается бесчисленная масса пехоты. Посоветовавшись с другими вождами и получив новое подкрепление, он мужественно папал на врага. Боэмунд следовал за ним в отдалении с остальной армией и охранял арьергард, ибо турки имеют обычай, даже уступая численностью, обходить своего противника; так хотели они наступить и в настоящем случае, но Боэмунд своей мудростью предупредил такое движение. Турки и арабы, напавшие на графа Фландрского, обратились в бегство, убедившись, что они не могут сражаться, пуская издалека стрелы, и что придется вступить в рукопашный бой мечом. Граф преследовал их на протяжении двух миль, и ты увидел бы, на всем этом пространстве земля была уложена пораженными трупами, как бывает усеяно поле колосьями после жатвы. Так были разбиты и обращены в бегство те полчища врагов, нападение которых должен был отрезать Боэмунд. Та же бесчисленная масса пехоты, о которой мы говорили выше, побежала по такой местности, на которой лошади не могли ее преследовать. Если бы можно было порицать безрассудство такого сравнения, то я осмелился бы поставить эту битву выше битвы Маккавеев. Если Маккавей с 3 тысячами человек разбил армию в 48 тысяч, то в этом случае 400 человек обратили в бегство армию, превышавшую в 60 тысяч. Но

чтобы не унижать Маккавея и не превозносить мужества наших рыцарей, мы скажем только одно, что Бог был прославлен десницей Маккавея, а десницей наших еще более прославился.

Замечательно, что после поражения неприятеля храбрость наших уменьшилась, и они не осмелились преследовать бежавших в беспорядке. Так наша армия возвратилась с победой, но без продовольствия, и потому в лагере недостаток дошел до того, что одному человеку не хватало в день хлеба на два солида, и все прочие припасы продавались так же дорого. Бедные пачали оставлять лагерь; многие из богатых, опасаясь бедности, также ушли; а те, которые по чувству долга остались, видели с грустью, как их лошади околевали ежедневно от голода; соломы было мало, а сено было так дорого, что для корма одной лошади на ночь не хватало семи и даже восьми солидов. Армии угрожало еще и другое бедствие: Боэмунд, прославившийся последним походом, объявил, что он намерен уйти, ибо он пришел сюда для чести, а между тем его люди и лошади погибают каждый день; он говорил, что он не богат и его собственное состояние не позволяет ему оставаться более при осаде. Впоследствии мы узнали, что он делал все это по честолюбию, которое заставляло его страстно домогаться звания князя города Антиохии.

Этим заканчивает автор свое описание осады в 1097 г.; на следующих страницах он продолжает рассказ с января и до начала марта 1098 г., излагая по-прежнему эпизодами: то он говорит о том, как в христианском лагере укоренились роскошь и разврат, как убежал из лагеря грек Татин, распуская слух, что идет встречать армию императора, и как князь обещали отдать город Боэмунду и дали клятву продолжать осаду семь лет, то обращается к описанию новых стычек с неприятелем: князь Алеппо напал на лагерь с тыла в то время, когда осажденные сделали вылазку; рыцари разбили наголову князя, а пехота отразила вылазку. В начале марта определенно было построено близ неприятельского моста, чтобы стеснить осажденных; но это обстоятельство вынудило турок сделать последние усилия, и они произвели отчаянную вылазку, в которой были жестоко разбиты, и крестоносцы едва не ворвались в город. Эта знаменитая битва у моста дала автору случай пуститься в некоторые подробности.